

ГРАНИЦЫ СВОБОДЫ СЛОВА В ГОДЫ ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»¹

Аннотация. В статье дается анализ проблемы ограничения свободы слова в период хрущевской «оттепели». Громкое развенчание культа личности Сталина, атмосфера реформирования стимулировали подъем общественных настроений. Однако наметившаяся иллюзия духовной свободы столкнулась с карательной политикой партии и государства, которые охраняли информационные границы Советского Союза. Автор использует материалы из истории автономных республик Поволжья. На примере данных различного характера раскрываются особенности контингента провинциальных «антисоветчиков» и специфика главных обвинений, предъявляемых в их адрес. Особое внимание в анализе ситуации уделяется роли СМИ: запрещенных зарубежных радиостанций, которые специально глушились с территории Советского Союза, и советских газет, в которые граждане писали письма и анонимки.

Ключевые слова: свобода слова, иллюзия духовной свободы, информационные границы, антисоветчик, зарубежные радиостанции.

Abstract. The article analyzes limiting the freedom of speech problem of during the Khrushchev "thaw". Loud debunking of the Stalin cult, the atmosphere of reform stimulated the rise of public sentiment. However, another marked illusion of spiritual freedom faced punitive policy of the Party and state, guarding the borders of the Soviet Union information. The author uses material from Volga region autonomous republics history. Specific features of provincial "anti-Soviet"s and the specifics of the main charges at their address are disclosed according to the data from the different nature of contingent. Particular attention in the analysis of the situation is paid to the role the media: banned foreign broadcasts, which are specially jammed in the Soviet Union, and Soviet newspapers in which citizens have written anonymous letters.

Keywords: freedom of speech, the illusion of spiritual freedom, information borders, anti-Soviet, foreign radio stations.

Проблема свободы слова является одной из важных в понимании специфики взаимоотношений между государством и обществом в тот или иной исторический период. В основе данной проблемы лежит отношение обеих сторон к информации (как к ее получению, так и к ее использованию, распространению), отличной или противоречащей государственной идеологии. Советский тоталитарный режим не допускал свободы мысли и слова, демонстрируя на протяжении разных этапов истории абсолютную нетерпимость партийных, властных и карательных органов ко всему, что не вписывалось в официальную идеологию.

Необходимо отметить, что тема инакомыслия в СССР достаточно изучена, исследователи не устают находить в ней новые ракурсы, привлекая некогда закрытые архивные материалы. Среди самых весомых научных трудов можно назвать исследование Л. М. Алексеевой «История инакомыслия в СССР». Что касается периода хрущевской «оттепели», то здесь достойны

¹ Работа выполнена в рамках проекта № 10-01-29111а/В гранта РГНФ-2010.

серьезного внимания исследования В. А. Козлова, основывающегося на изучении рассекреченных документов и дающего интересную сравнительную характеристику ситуации крамолы в СССР в разные периоды истории, в том числе и в период «оттепели», а также статьи молодых ученых о репрессивной политике конца 1950-х гг., вошедшие в сборник «Корни травы» (Паповян Е., Паповян А. и др.) По В. А. Козлову, во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. почти каждый выявленный «антисоветчик» попадал под суд. Пользуясь данными, опубликованными в 1996 г. в журнале «Источник» [1, с. 153], он делает вывод, что всплеск политических репрессий пришелся на 1957–1958 гг.: «Количество осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду в течение этих двух лет составляет 41,5 % от общего числа всех осужденных за 32 года «либерального коммунизма»!» [2, с. 98]. На этот всплеск политических репрессий после XX съезда обратили внимание также и вышеупомянутые Е. Паповян, А. Паповян и др.

Можно отметить также исследования Ю. Аксютин, посвященные анализу общественных настроений в СССР в 1953–1964 гг., а также известного архивиста Р. Пихои, в которых достаточно подробно реконструируются самые важные события тех лет, касаются авторы и диссидентских явлений «оттепели». Кроме того, существует целый пласт воспоминаний самих участников диссидентского движения и авторов, переживших это явление (Л. Я. Гозман, П. В. Григоренко, А. М. Эткин, В. Голицын, С. Ковалев, А. Даниэль, Л. Дымерская-Цигельман и др.), а также попытки публицистического осмысления явления инакомыслия (Ю. Ф. Лукин, В. Н. Березовский и др.), публикации об этом в массовых общественно-политических и культурно-просветительских изданиях, героями которых являются известные деятели советской культуры (например, М. Ростропович и Г. Вишневская, Р. Медведев, Л. Д. Ландау, А. Солженицын, А. Сахаров, И. Бродский, Е. Евтушенко и др.).

Однако в центре внимания всех этих авторов находятся больше события из жизни центральных и столичных городов. Нам же представляется важным обратиться к конкретным фактам проявления общественных настроений в период «оттепели» на периферии страны, что позволит определить главные черты государственной политики по ограничению свободы слова и инакомыслия в провинциальных регионах СССР, например, в автономных республиках Поволжья.

Практически все исследователи, анализируя экономические, социальные и политические реформы хрущевского периода (1953–1964), отмечают их явную противоречивость, которая не могла не отразиться и на общественных настроениях. Одна из характерных черт «оттепели», особенно первых ее лет, связанных с атмосферой потепления и духовного подъема в обществе после развенчания культа личности Сталина, – это искренняя вера представителей разных слоев в то, что они действительно имеют право на определение собственной судьбы и на самое непосредственное участие в определении жизни общества. Здесь будет уместно привести определение понятия «свобода» немецкого философа и психоаналитика, представителя Франкфуртской школы Э. Фромма: «Единственный критерий реализации свободы – активное участие индивида в определении своей собственной судьбы и жизни общества» [3, с. 227].

Однако этот народный подъем, натолкнувшись на страх власти и партийной верхушки, постепенно превратился в иллюзию свободы, которая рас-

сыпалась и пробудила недовольство и возмущение в обществе. По мнению Д. Бабича, Хрущев и его секретный доклад спровоцировали в обществе дискуссию: в чем виноват Сталин, а в чем – весь коммунистический проект? Дискуссия получила развитие: в чем и насколько сталинизм связан с политической традицией России? Эту дискуссию Бабич и считает настоящей оттепелью. В отличие от него Д. Косырев десталинизацию, 20-й съезд и освобождение заключенных не квалифицирует актом демократизации: «Феномен был в другом – советское общество при первых признаках ослабления режима изменилось, скорее, вопреки лидеру и верхушке, отшатнулось от них и зажило своей, независимой от партийной линии жизнью» [4].

Так или иначе первые проявления свободы слова обозначились во время обсуждения секретного доклада Н. Хрущева, развернувшегося сразу же после съезда по указанию ЦК КПСС на всех уровнях партийной системы. Прозвучавшие на этих собраниях суждения, как правило, касались не только культа личности Сталина. Действительно, доклад стал поводом для серьезного всенародного разговора о том, что же на самом деле происходило в последние десятилетия в партии и стране. Обсуждения в столичных городах мало отличались по тональности от аналогичных обсуждений в провинции. Подробные отчеты и докладные об этих собраниях и конференциях, стенограммы посылались в ЦК, где тщательно анализировались.

В качестве примера приведем материалы докладных записок ОК КПСС Татарии [5]. Для многих выступавших на собрании Татарского областного партийного актива (а это в основном были руководители разного уровня) были характерны самокритические высказывания, в выступлениях сквозила тема коллективной ответственности и вины за случившееся, искреннее желание понять причину явления культа личности. Особенно часто говорили об этом старейшие члены партии. «Мне кажется, товарищи, что мы все-таки сами, старые члены партии, во многом виноваты. Верно, нас так воспитывали, такое мнение создали, что Сталин – отец родной для всех», – говорил на собрании партактива Свердловского района г. Казани директор завода «Теплоконтроль» В. Д. Жуков (член КПСС с 1918 г.) [5, л. 67]. Директор завода им. Горбунова Смирнов, кстати, делегат XX съезда, сделал такое заявление: «Когда мы слушали доклад о культе личности, то это произвело на делегатов съезда тяжелое впечатление, потому что каждый из нас повинен в той или иной части в культе личности. Разве немало приложили своего искусства, восхваляя Сталина, разве мы мало создавали такого положения, чтобы этот культ личности процветал. Если вопрос стоял о радио, то оказывалось, что специалистом по радио был Сталин, если наши летчики летали в Америку, то оказывалось, что инициатором в этом был Сталин...» [5, л. 7]. Еще дальше пошел редактор республиканской газеты «Советская Татария» Колодин: «...некоторые ошибочно представляют, будто понятие о культе личности касается только высших сфер. Нет, речь идет о преодолении этих пережитков на всех ступенях <...> вплоть до первичной партийной организации, вплоть до низового местного звена» [5, л. 7]. Завотделом школ ОК КПСС Ш. Хамматов заявлял: «В течение длительного времени в наших школах насаждались элементы культа личности. В школах и семье дети воспитывались тому, что всеми успехами мы обязаны только одному лицу – Сталину. Этим было пронизано все, начиная с букваря и кончая многотомными романами, что сказа-

лось на всей системе воспитания, мешало выработать у детей такое важное качество, как коллективизм» [5, л. 52].

В ряде выступлений звучало осуждение публичного порицания Сталина. Звучали как принципиальное несогласие с негативной оценкой деятельности Сталина, так и призывы «не выносить сор из избы», дабы не навредить авторитету партии. Например, на закрытом партсобрании коммунистов треста «Альметьевнефтестрой», прошедшем 30 марта 1956 г., коммунистка Алсаева заявила: «...в отношении культа личности Сталина я не совсем согласна. Под руководством Сталина мы победили в Отечественной войне, и заслуг у него много, и их мы не отнимем...». В Азнакаевском районе один из выступавших задал риторический вопрос: обнародованием доклада о культе Сталина не будет ли нанесен ущерб авторитету нашей партии и народа? [5, л. 83] Коммунист парторганизации фабрики им. Микояна (г. Казань) Бродов говорил: «Не надо было так широко оповещать о последствиях культа личности. Надо было сделать это постепенно. Не надо было обнажать наш позор перед всеми, в том числе перед капиталистическим миром, чтобы не давать им повода к всевозможным клеветническим выступлениям» [5, л. 105].

В конце подобных обсуждений рядовые участники, как правило, задавали вопросы докладчику. Перечень самых распространенных вопросов также включался в докладные записки в ЦК¹. Эти вопросы обнаруживают желание простых людей узнать правду, получить ответы на мучившие их вопросы. Вопросы достаточно смелы, даже дерзки, они подавались в основном в письменной форме, нередко без подписи. Например: если Сталин проявил себя столь подло, то почему он еще сейчас лежит в мавзолее рядом с великим Лениным? Почему вчера вручалась Сталинская премия? Что является гарантией правды? Непонятно, как мог Сталин целиком и полностью взять власть в свои руки и не могли разоблачить его раньше, при его жизни, более четверти века его восхваляли, называли «родной и любимый», где же были остальные члены правительства и члены ЦК? (На одном из собраний прозвучала реплика с места: «Хочешь сказать, что мертвого легче колотить, чем живого»). Можно ли критиковать руководителей, если члены ЦК партии показывают пример умалчивания, начинают критиковать человека после его смерти? Правильно ли поступило правительство, выселив немцев Поволжья? В докладе товарища Хрущева почему-то не упоминаются немцы Поволжья и крымские татары. Значит, они выселены правильно? Есть ли точные данные о причинах смерти жены Сталина – Алиллуевой?

Об остроте этих обсуждений говорят и те вопросы, которые касались партийных привилегий. Эта тема поднималась наиболее часто. Так, на собрании партактива Дзержинского и Кировского районов г. Казани были заданы вопросы: что представляет собой персональный пакет, и из каких средств он берется? (Т. Каплева, Зиатдинов). Когда перестанут платить «кубышки» высшим чиновникам, а они годами получают и молчат, хотя знают, что это народные деньги? Когда будут решать по-настоящему сокращение госаппарата, неужели думают, что государство держится на них, а не на народе? (рабочий завода а/я 387 Михайлов). В одной из записок содержалось конкретное предложение «устранить излишества» в оплате труда: «У нас есть категория

¹ Далее цитируются вопросы из материалов докладных записок ОК КПСС ТАССР в ЦК КПСС о ходе обсуждения итогов XX съезда КПСС [6].

работников, которая получает очень высокие оклады – по 10–15 тысяч рублей и более (министры и др.)... Надо навести в этом деле порядок, устранить эти излишества, тогда высвободится порядочная сумма денег для пенсионеров и малооплачиваемых». Инженер «Казэнерго» Каршев (член КПСС с 1918 г.) на собрании партактива Бауманского района г. Казани напомнил, что коммунисты, в том числе и старые члены партии, которые реабилитируются, ни за что просидев в тюрьмах по 18 лет, под старость лет не получают профсоюзной пенсии, а те, кто путем пыток заставлял их давать ложные показания, ушли в отставку с погонями и получают пенсии по 3–5 тыс. руб. в месяц. Он призвал пересмотреть состав сотрудников органов госбезопасности, которые активно участвовали в следствии 1936–1938 гг. Это выступление было встречено аплодисментами, всеобщим одобрением присутствующих [6, л. 68].

В отдельную группу можно выделить вопросы, поднимавшие непосредственно тему свободы слова и соблюдения принципов правдивости и объективности советской печати. Рядовые коммунисты хотели знать: если Сталин не был на фронтах Великой Отечественной войны, почему его фотографии были помещены в кино и газетах о боевых действиях? Или наша пресса продажна? Будут ли опубликованы в нашей печати отклики иностранных государств о культе личности? Будет ли действительно осуществлена свобода слова в печати? Наши газеты пишут только хвалебные материалы? Почему в печати было сообщено, что Орджоникидзе умер после тяжелой болезни? Как считать авторов книг, кино, статей, которые восхваляли Сталина?

Одной из активно обсуждаемых тем на этих партактивах были права автономных республик, точнее их ограниченность по сравнению с правами союзных. Писатель Гази Кашаф неожиданно для всех, говоря о том, что мешает творческой работе писателей Татарии, высказался об ограниченности прав автономных республик: «...наши возможности порою ограничены по сравнению с союзными республиками... Нам особенно радостно, что партия вновь вплотную занимается этими вопросами и расширила права национальных республик. Мне кажется, рано или поздно, ЦК нашей партии займется вопросом возможности преобразования Татарии в союзную республику» [6, л. 70].

Показательно, что обсуждение доклада, прошедшее в парторганизациях Татарии в марте 1956 г., стало толчком для более строгого пересмотра их собственной деятельности. В результате, в 4133 первичных партийных организациях республики работа бюро и секретарей была признана удовлетворительной, в 99 первичных организациях – неудовлетворительной, в 1621 первичной организации сменили секретарей, в том числе 722 секретаря не были выдвинуты на собраниях и 46 секретарей забаллотированы во время голосования [6, л. 116].

Критические настроения в обществе, имевшие место после обсуждения доклада Хрущева в автономных республиках Поволжья, заставили власти усилить бдительность местных партийных и карательных органов. В качестве прямого руководства к действию стало закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов».

После бурных событий в Москве и здесь под особым контролем – представители творческой и научной интеллигенции. Какие же нарушения попадают в поле зрения блюстителей советской идеологии тех лет? В справке

об антисоветских проявлениях на территории Чувашской республики, составленной для обкома партии Чувашской автономной Республики отделом агитации и пропаганды с октября 1956 г. по 15 января 1957 г. [7], перечисляются следующие «нарушители»: студент Чебоксарского художественного училища Мазуров на уроке истории искусств выступил против метода социалистического реализма в искусстве (расцвет авангардизма, выставка в манеже в Москве...). Учитель географии Балдаевской средней школы Ядринского района Чувашской республики Григорьев А. Ф. выступил перед началом родительского собрания с лекцией «Экономика США. Международное положение», говорил о недостатках экономики СССР, которые якобы скрываются от народа, и в лучшем свете – об экономике капиталистических стран и т.д.

Противоречивость хрущевской «оттепели» проявляется и здесь: с одной стороны – небывалые активные международные контакты, переговоры и поездки Н. Хрущева и других членов правительства за рубеж, новые международные экономические и торговые связи Советского Союза, с другой стороны – непримиримая политика советского государства по отношению ко всем зарубежным источникам информации, на которых не может распространяться коммунистический идеологический диктат.

Советское общество десятилетиями существовало в изолированном от внешнего мира пространстве и не имело возможности узнать подлинной правды о жизни за рубежом. Официальные каналы информации жестко контролировались. В качестве примера можно привести случай, когда в марте 1960 г. преподаватель английского языка средней школы г. Умары Чувашской Республики В. Ф. Румянцев обратился в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами с просьбой помочь ему наладить переписку с английскими преподавателями [8, л. 19]. Данная организация, чья деятельность контролировалась по линии КГБ и МВД СССР, сообщила об этом обращении в Чувашский обком партии, откуда получила резолюцию секретаря обкома А. Иванова, который посчитал переписку чувашского учителя со своими зарубежными коллегами «нецелесообразной» [8, л. 18].

На страницах центральных газет постоянно помещались корреспонденции зарубежных собкоров и подборки материалов из зарубежной прессы, но и те, и другие проходили жесткую цензуру, и, конечно же, их главной целью была пропаганда советского государства и идеологии. Так как эта «отфильтрованная» информация для рефлексирющей, думающей части общества была малоинтересна, искали другие источники информации.

Как точно замечает И. И. Засурский, «граждане СССР научились предъявлять серьезные требования к советской системе, которые во многом подпитывались образами «общества всеобщего благосостояния», из-за рубежа, в том числе программами радио «Свобода», «Би-би-си», голливудскими и французскими фильмами и т.д.» [9, с. 21].

Летом 1957 г. в свой первый рейс вокруг Европы отправился советский теплоход «Грузия» – событие для Советского Союза знаменательное. Это были первые советские круизы, и их участниками стали далеко не рядовые граждане Советского Союза. Среди них оказался, например, заместитель редактора газеты «Удмуртская правда» А. И. Писарев. По возвращению в Ленинград его и сотрудницу столичного искусствоведческого журнала Г. Е. Запасник задерживают органы цензуры, при задержании конфисковываются «22 иностранных реакционных и порнографических издания», о чем началь-

ник Главного Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР П. Романов (21 июня 1957 г.) сообщает в ЦК КПСС [10, л. 53], обращая внимание на то, что некоторые советские туристы, выезжающие за границу, привозят в СССР иностранные журналы и газеты. У Г. Е. Запасник было изъято издание «Ночи Бродвея»¹ – «200 порнографических фотографий», у А. И. Писарева – итальянские журналы «Alta Tensione» и «Висто», парижский журнал «Париматч» и бельгийская газета «Ле сувар». «Бельгийская реакционная газета «Ле сувар» очень часто публикует антисоветские материалы и закрыта для общественного пользования в Советском Союзе», – пишется в сообщении П. Романова.

Реакция отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР последовала незамедлительно – в известность о случившемся ставится секретарь Удмуртского обкома партии Л. Ф. Игнатьев с указанием рассмотреть вопрос А. И. Писарева на бюро ОК КПСС [10, л. 54]. Серьезность инцидента усугублялась тем, что фигурант являлся заместителем по сути главной газеты Удмуртской Республики, трибуны Удмуртского обкома партии. А как говорил Н. Хрущев на партактиве в Москве, состоявшемся в июле 1957 г., что «мы не можем отдавать органы печати в ненадежные руки, они должны находиться в руках самых верных, самых надежных, политически стойких и преданных нашему делу работников» [11, с. 39]. Итогом обсуждения на бюро стало снятие А. И. Писарева с руководящей должности. Такая расплата ожидала советских журналистов даже за проявление сугубо профессионального интереса.

«О вреде слушания враждебных радиопередач и некритическом отношении к их содержанию» – так назывался доклад заместителя председателя Комитета госбезопасности Чувашской автономной Республики <?> Репкина, с которым он выступил на Республиканском совещании по идеологическим вопросам 29–30 января 1962 г. [12, л. 157–166]. По его словам, под влиянием зарубежных радиопередач советские люди идут на преступления, которые квалифицируются как «измена Родине». Им приводились следующие примеры: токарь электроаппаратного завода товарищ Иванов вел антисоветскую агитацию среди рабочих завода, допуская «открытые нездоровые выпады», а затем написал письмо в соответствующие инстанции с просьбой разрешить ему выехать в США. Одна из студенток Чувашского сельхозинститута на почве увлечения чтением журнала «Америка» «допускала политически вредные суждения, порочащие общественный и государственный строй СССР». В беседах со студентами она в духе буржуазной пропаганды возносила пресловутый американский образ жизни, в то же время охаивала мероприятия ЦК КПСС в области сельского хозяйства, клеветала на видных советских писателей. «Она договорилась даже до того, что с удовольствием работала бы в колхозе, если бы хозяйство принадлежало лично ей, как фермерам в Америке» [12, л. 162]. Репкин остановился также на увлечении молодежи зарубежной музыкой: «Некоторая часть нашей молодежи, не имея представления о серьезной музыке, увлекается слушанием этой разнузданной дребедени...» [12, л. 162].

¹ Скорее всего, речь шла о кинематографическом проспекте или альбоме фотографий, запечатлевших наиболее яркие эпизоды из знаменитого американского немого фильма «Ночи Бродвея», снятого в 1927 г. Одну из ролей (роль танцовщицы) исполняла Барбара Стэнвик – популярная американская актриса 30–40-х гг.

Для получения полной картины о состоянии свободы слова в период хрущевской «оттепели», на наш взгляд, необходимо обратиться к показателям репрессивной практики тех лет. По подсчетам В. А. Козлова, в 1957 г. количество осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, было равно 1964 человекам, в 1958 г. – 1416, в 1961–1965 гг. – 1072. Как отмечает историк, социально-психологический портрет так называемого массового антисоветчика «неясен и размыт, растворен в абстракции «народ» [2, с. 95]. Он приводит убедительные данные (табл. 1), свидетельствующие о том, что наибольший рост недовольства продемонстрировал рабочий класс – доля осужденных рабочих в 1957 г. резко выросла и достигла 46,8 % от общего количества. Второе место занимают служащие и крестьяне. Устойчиво высокую долю осужденных давали единоличники, кустари, лица без определенных занятий (в 1957 г. – 15,7 %). Больше трети из них составляли прежде судимые (39,4 %), из них 1,1 % были твердыми противниками режима – имели в прошлом судимость за антисоветскую агитацию и пропаганду, а после реабилитации вновь попадали под суд. Большинство осужденных антисоветчиков, как считает В. А. Козлов, представляли народный политический «андеграунд» [12, с. 95].

Таблица 1

Доля представителей различных социальных групп среди осужденных за контрреволюционные преступления (в процентах) [12, с. 100]

Социальные группы	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.
Рабочие	33,9	30,1	32,9	46,8
Служащие	20,3	24,9	24,1	18,3
Колхозники	16,7	18,5	13,4	9,9
Прочие (крестьяне-единоличники, кустари, лица без определенных занятий)	29,1	26,5	29,6	25,0

С нашей точки зрения, это касается прежде всего массовых проявлений народного возмущения не в центре страны, а в его провинции – например, в тех же республиках Поволжья, чье население (с большой долей занятости в сельском хозяйстве) в полной мере «хлебнуло» плачевные результаты хрущевских реформ. Если в столичных городах Советского Союза активность протеста и свободомыслия проявляли прежде всего представители творческой и научной интеллигенции, то на периферии это был в полном смысле глас народа.

Обратимся к анализу аннотированного каталога личностей, которые были осуждены с 1957 по 1964 г. по 58/10 статье. Приведем конкретные факты, позволяющие выделить наиболее типичные случаи. Отдельную группу составляют те, кто оказался «под влиянием иностранных радиопередач». Например, Я. З. Набхин – учитель школы рабочей молодежи г. Белорецка Башкирской Республики, бывший «на крючке» у органов с 1940 г., в 1953 г. арестован за то, что слушал и пересказывал иностранные радиопередачи¹. Инженер-

¹ Далее приводятся данные по кн. 58/10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991 гг. [13].

проектировщик конструкторского бюро из Чувашской АССР В. И. Шелухин «неоднократно среди своего окружения пересказывал содержание радиопередач «Голоса Америки», «Би-Би-Си», «Свободной Европы» – осужден в 1957 г. В 1961 г. был задержан 18-летний студент химико-технологического техникума, родом из деревни Янга Тормыш (Новая жизнь) Арского района по такому же обвинению: «Под влиянием иностранных радиопередач пытался изменить родине».

Огромное количество осужденных получили наказание «за разговоры». Тот же Козлов называет их наивными людьми, которые критиковали власть открыто, полагая это нормальным. С нашей точки зрения, эта «наивность» была спровоцирована тем, что в это же время власть громогласно поддерживала и одобряла критику с мест, стимулировала развитие народной журналистики. «Критика и самокритика – важнейший метод нашей печати» – такой лозунг провозглашался на всесоюзных съездах журналистов [14]. «Советская печать – подлинно свободная и действительно народная печать. В этом ее коренное отличие от буржуазной печати» [15]. По большому счету рабселькоровское движение, получившее в период оттепели небывалый размах, входило в определенное противоречие с репрессивной политикой тех лет. Разрешалось критиковать местные органы, хозяйственные структуры, но абсолютно не допускалась критика первых лиц и политики партии и правительства.

Так, колхозник из Куличинского района Удмуртской Республики Е. Ф. Бывальцев был осужден за критику материального положения трудящихся в СССР, политику хлебозаготовок, налоги с бездетных граждан, за злобные выпады против руководителей советского правительства. В ресторане станции Рузаевка Куйбышевской железной дороги (Мордовия) А. С. Митронин ругал правительство: дескать, советский строй давно пора сменить, но его защищают и не дают народу высказывать свое мнение. Рабочий Башкирской АССР, дважды судимый (в том числе по 58-й статье) Г. Е. Широбоков в строительно-монтажном поезде неоднократно ругал коммунистов. Рабочий завода ЭВМ (г. Казань) А. Г. Гилязутдинов 5 апреля 1957 г. в поезде Адлер–Москва нецензурно ругал правительство. 1–2 июля 1957 г. некий Алексеев В. А., содержащийся в доме инвалидов в г. Елабуга ТАССР, следуя на пассажирском пароходе по маршруту Москва–Горький, называл коммунистов советскими буржуями, нецензурно ругал Хрущева и Булганина, говорил, что они не думают о народе, получают громадные деньги, имеют большие квартиры, дачи, и о народе им думать не приходится. Рабочие также завода ЭВМ в Казани А. Г. Ярошенко и П. П. Антонюк 23 января 1957 г., явившись на работу в нетрезвом состоянии, говорили о снижении заработной платы, о преимуществах капиталистического строя, об отсутствии в СССР свободы слова, демонстраций и выборов, членов правительства называли «кучкой».

Сознательными оппонентами власти В. А. Козлов называет только авторов листовок, различных писем, антисоветских анонимок. И с этим трудно не согласиться. Люди, перешедшие от стихийного анализа ситуации в стране и внутреннего, на уровне каких-то личных переживаний, несогласия с политикой правительства к протесту, сформулированному в конкретных словах, выражениях, призывах, представляли реальную опасность для существовавшего строя. Примеры достаточно красноречивы. Среди них особое место занимают протестные выражения людей, уже отбывавших на тот момент заключение. Так, в 1958 г. были осуждены вторично заключенные Дубравного

ИТЛ Мордовской Республики (по статьям 54-10 и 58-10) Гидони А. Г., Луговой Б. А., Милинкин О. А., Жуков, Лупинос А. И., Пилекалис А. А., создавшие на территории лагеря антисоветскую организацию. В сентябре 1957 г. ими же создается забастовочный комитет, который издает листовки, транслирует радиопередачи, в которых звучат воззвания – не выходить на работу, в письмах к студентам вузов – призыв поддержать их. Осуждены 3 февраля 1958 г. Н. А. Куров, также заключенный в г. Потьма Мордовской Республики в 1959–1961 гг., среди заключенных «ругал Хрущева, читал антисоветские стихи «Мне бы топор вместо пера» и «Проснись, Ильич», песни про Хрущева, в которых высказывается пожелание, чтобы товарища Хрущева посадили в спутник и отправили вместо собаки», написал письмо Хрущеву с нецензурной бранью.

Национальная тема была в числе самых обсуждаемых. Украинка М. Д. Харюк, высланная в Удмуртскую Республику из Черновицкой области, говорила, что русские разорили украинский народ (5 ноября 1954 г.). А. Я. Бердичевский – главный инженер завода (Башкирская АССР) обвинял советскую власть в притеснении евреев. У А. П. Гечене (национальность – литовка), также заключенной одного из ИТЛ Мордовской АССР, в декабре 1957 г. были изъяты 19 тетрадей – дневниковые записи, которые она вела в 1956–1957 гг., в них немало места было отведено выселению литовцев в 1941 г.: «Я иду только по одному пути и смотрю прямо в глаза большевикам, и говорю им, что я пойду против вашего строя до тех пор, пока я буду живая».

Отдельно остановимся на письмах, которые люди в большом количестве писали в средства массовой информации и различные органы власти. Народное письмотворчество стимулировалось партией, считавшей письма с мест барометром советского общества. Из этих соображений особая роль отводилась письмам трудящихся в газеты. Нередко письма адресовались всенародно любимым дикторам, писателям и поэтам, чьи выступления во время Великой Отечественной войны поддерживали дух советского народа, им доверяли и верили. В органы власти, конкретным представителям правительства и партии адресовались письма чаще анонимного характера.

Заключенный одного из ИТЛ Мордовской АССР Н. В. Пятых послал два письма в «Правду» и «Советскую Мордовию» с сочиненным им стихотворением «Сон солдата». Содержание следующее: «...часовому у мавзолея снится, что Ленин со Сталиным вышли из гроба прогуляться, разверзлась земля, и на Сталина набросились все его жертвы и утащили на адские муки, а Ленин услышал «незримый глас», объявлявший его виновником во всех преступлениях коммунистов». Слесарь из Йошкар-Олы Марийской Республики, студент-заочник юридического факультета Казанского университета П. А. Долгачев в январе 1962 г. послал в редакцию «Советской Татарии» две листовки «Обращаемся ко всему российскому народу!», впоследствии у него изъяты «Манифест и наши задачи» и другие антисоветские документы (дата передачи дела в суд – 28 марта 1962 г.). Служащий фабрики книгопечатания им. Камиля Якуба, бывший журналист Г. Х. Сафиуллин за период с 1948 по 1956 г. направил в ЦК КПСС и редакции газет ряд анонимных писем, в которых «охаивал» материальное положение трудящихся. Электромонтер из Бугульмы А. И. Бородин (также прежде судимый) в 1961 г. написал три анонимных письма – Хрущеву, Председателю Президиума Верховного Совета РСФСР и диктору радио Левитану. В них «клеветнически отзывался о гото-

вящемся XXII съезде КПСС и указывал, что к съезду «они убьют сотни три коммунистов». Два воззвания, в которых «высказывал клевету и призывал к свержению советского правительства, изготовил при помощи вырезанного им резинового клише в декабре 1961 г. Н. А. Никитин из ТАССР. Письма с критикой КПСС, советской власти и советской действительности, призывами к восстанию, забастовкам и к свержению советской власти рассылал в центральные и местные партийные советские органы крестьянин-единоличник Ибресинского района Чувашской АССР И. Е. Чернов (осудили 25 мая 1959 г.). В 1957–1958 гг. анонимные письма в ЦК КПСС, правительство и другие органы разослал студент Глазовского сельхозинститута Удмуртской АССР П. В. Шутов – в них он угрожал руководителям страны и выступал в защиту антипартийных групп. Бывший военнослужащий, участник войны, диспетчер автотранспортной конторы Чувашской АССР В. Д. Тихонов написал в Президиум Верховного Совета СССР два анонимных письма с бранью в адрес Хрущева.

Писатель из Мордовской АССР В. И. Зуев в 1957 г. привлекался к ответственности за то, что в 1956 г. направил ряд заявлений австралийскому послу, в Верховный Совет СССР, Хрущеву и др. Он писал о своем желании принять гражданство капиталистической страны, о трудностях в быту и в творчестве – в издании своих произведений. В 1963 г. написал письмо в посольство Китая с критикой политики КПСС, распространял среди своих знакомых песенки: «Вступайте в партию» и «Гимн КПСС». Перу Зуева принадлежит, в частности, следующее стихотворение:

Не рабочие мы и не пахари,
Не творили мы геройств и чудес,
Проститутки мы, воры и хахали,
Члены партии КПСС.
Эта власть нам не богом дадена,
Шею сам нам подставил народ.
Пусть кричит, что мы (нецензурное слово) и гадины.
Коммунисты, вперед!

Практика принудительного психиатрического лечения осужденных по статье 58-10 существовала и ранее, не прекратилась она и в дальнейшем. Причем судьбы людей заканчивались порой трагически. Так, в 1956 г. был осужден плотник, бригадир строительно-монтажного поезда М. И. Заголюк за то, что вел дневники антисоветского содержания. После попытки суицида он был направлен на принудительное лечение в Казанскую психбольницу, где 24.09.1957 г. скончался. П. О. Вашурин (п. Васильево ТАССР) – слесарь-механик, охранник ремонтно-прокатной базы «Казтранстрой» – осужден за изготовление и распространение антисоветских документов, за написание нескольких анонимных писем от имени советского народа, в которых выражал несогласие с политикой КПСС. Вашурин также был отправлен на принудительное лечение.

Таким образом, границы свободы слова в годы хрущевской «оттепели» четко очерчивались коммунистической идеологией. Наметившаяся в начале «оттепели» иллюзия духовной свободы столкнулась с карательной политикой партии и государства, которые охраняли информационные границы Советского Союза. Это касалось не только отношения к зарубежным радиостанциям и большинству печатных изданий капиталистических стран. Серьезным

государственным преступлением считалось любое высказывание или действие, не вписывавшееся в идеологические постулаты советского строя. Борьба с антисоветчиками в провинциальных районах в общих чертах повторяла репрессивную ситуацию в центре страны, однако были и свои особенности, касающиеся контингента осужденных. Так, автономные республики Поволжья дали большой процент репрессированных рабочих и крестьян.

Список литературы

1. Источник. – 1995. – № 6.
2. **Козлов, В. А.** Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 года / В. А. Козлов // Отечественная история. – 2003. – № 4. – С. 93–111.
3. **Фромм, Э.** Бегство от свободы / Э. Фромм. – М. : Прогресс, 1990. – 272 с.
4. **Косырев, Д.** Никита Хрущев: третий приговор истории / Д. Косырев // РИА Новости. – URL: <http://www.rian.ru/analytics/20091014/188797902.html>
5. Докладные записки в ЦК КПСС о ходе обсуждения итогов XX съезда КПСС. – Центральный Государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее – ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 6. Д. 4595.
6. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 4595.
7. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 26. Д. 255. Л. 146–153.
8. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 8.
9. **Засурский, И. И.** Массмедиа второй республики / И. И. Засурский. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 272 с.
10. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 556. Оп. 15. Д. 19.
11. Высокое призвание литературы и искусства. – М. : Правда, 1963. – 248 с.
12. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 356.
13. Аннотированный каталог. Серия: Россия XX век. Документы. – М. : Международный фонд «Демократия», 1999. – 944 с.
14. Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза // Правда. – 1959. – 15 ноября.
15. Испытанные помощники партии. Первому Всесоюзному съезду советских журналистов // Правда. – 1959. – 13 ноября.

Даутова Резида Вагизовна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра теории и практики электронных
средств массовой информации,
Казанский (Приволжский) федеральный
университет им. В. И. Ульянова-Ленина

E-mail: RVagiz@yandex.ru

Dautova Rezida Vagizovna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of theory
and application of electronic mass media,
Kazan (Volga region) Federal University
named after V. I. Ulyanov-Lenin

УДК 07(94)«1953/64»

Даутова, Р. В.

Границы свободы слова в годы хрущевской «оттепели» / Р. В. Даутова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 43–54.